

A close-up portrait of a woman with her eyes closed, her face partially obscured by a translucent, futuristic visor. Several small, rectangular cards or documents are floating around her head, some showing text and others showing images. The overall color palette is cool, with blues and purples, and a soft, ethereal lighting.

ЕКАТЕРИНА ПОГОРЕЛЬСКАЯ

ПРОЭКТ СЧАСТЬЕ

ОШИБКА, КОТОРАЯ МОЖЕТ
ИЗМЕНИТЬ ЖИЗНЬ

Погорельская Екатерина

Проект "Счастье"

«Автор»

2026

Екатерина П.

Проект "Счастье" / П. Екатерина — «Автор», 2026

Шестнадцать лет. Возраст, когда в этом городе заканчивается детство и начинается «счастье». Людмила знает, что ей осталось совсем немного: всего двадцать девять дней до процедуры, которая изменит её тело, сотрёт имя и навсегда впишет в идеальную систему нового мира. Здесь не осталось мужчин. Не существует прошлого. Есть только порядок, контроль и обязательная гармония, вещающая из динамиков на каждом углу. Но однажды Люда находит записку. Всего два слова, написанных так, как мог написать только один человек. Её брат, считавшийся погибшим десять лет назад. Что, если всё, чему её учили, — ложь? Что, если за гладкими улыбками и стерильным благополучием скрывается нечто совершенно иное? Пока часы отсчитывают последние дни её старой жизни, Люде предстоит сделать выбор: покориться навязанному счастью или рискнуть всем, чтобы узнать правду. Даже если правда окажется опаснее любого контроля.

© Екатерина П., 2026

© Автор, 2026

Погорельская Екатерина

Проект "Счастье"

Глава 1. Счастье для всех

Её зовут Людмила.
По крайней мере, сейчас.

Имя всё ещё держится за неё, как тонкая нить, натянутая между прошлым и тем, что неминуемо надвигается. Ещё около месяца — двадцать девять дней, если считать точно, — и эта нить оборвётся. Людмила знает это так же хорошо, как знает собственный возраст, своё отражение в мутном зеркале и номер сектора, где она живёт.

Шестнадцать.
Возраст, после которого ничего не остаётся прежним.

Она сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела вниз — на серый двор, где одинаковые женщины в одинаковой одежде двигались по строго выверенным траекториям. Ни одной лишней остановки, ни одного случайного жеста. Всё правильно. Всё — как должно быть.

— Люда, — позвала мать из кухни.

Голос был осторожным. Всегда таким в последние недели.

Людмила поморщилась. Она ненавидела, когда её так звали. Не потому что имя было плохим, а потому что оно уже считалось временным. Как бирка на одежде, которую вот-вот сорвут.

— Я здесь, — отозвалась она, не оборачиваясь.

Мать вошла, вытерла руки о фартук и замерла у двери. Смотрела на дочь так, словно старалась запомнить её целиком: форму плеч, линию шеи, тёмные волосы, которые всё ещё были человеческими.

— Тебе пришло уведомление, — сказала она наконец.

Людмила усмехнулась. Криво, безрадостно.

— Конечно, пришло. Оно же всегда приходит.

Мать протянула тонкий пластиковый конверт. Белый. Чистый. Без имени. Только номер.

Людмила не взяла его сразу.
«Пока я не прикоснусь, — подумала она, — это ещё не совсем правда».

Но правда не исчезает, если закрыть глаза.

Она всё же взяла конверт. Пальцы дрогнули — совсем чутьчуть, но мать заметила. Она всегда замечала такие мелочи, хотя делала вид, что нет.

— Ты боишься? — тихо спросила она.

Людмила рассмеялась. Смех вышел резким, почти грубым.

— Бояться? Мам, я же не умираю.

Она сделала паузу и добавила уже тише:

— По документам.

Мать отвернулась. Плечи напряглись.

— Говорят, потом становится легче, — произнесла она заученной фразой. — Привыкаешь. Новое имя... новое лицо... новые мысли.

Людмила сжала конверт.

— Новые мысли, — повторила она. — Ты самото в это веришь?

Молчание стало тяжёлым. Таким, в котором слышно, как работает вентиляция и капает вода в раковине.

— Я верю в выживание, — наконец сказала мать. — А остальное... роскошь.

Людмила отвернулась к окну. В отражении стекла она увидела своё лицо — пока ещё своё. Чуть угловатое, с упрямым подбородком и глазами, которые слишком часто задавали вопросы.

«Скоро ты исчезнешь», — подумала она.

«Тебя разберут на параметры, исправят, дополнят. Сделают удобной. Счастливой».

Так они говорят.

Её будут звать по-другому. Имя подберёт система — короткое, звучное, идеально подходящее новой форме тела и новой функции. Людмила старалась не думать о том, какое имя ей дадут. Почемуто это пугало сильнее, чем сама процедура.

Она ещё Людмила.

Ещё месяц.

И пока это имя живо, она будет помнить, кто она такая. Даже если потом некому будет это вспомнить.

Люда ещё немного постояла у окна, потом резко выдохнула, будто стряхивая с себя липкие мысли, и спустилась с подоконника. Холодный пол приятно коснулся босых ступней.

Комната была маленькой, аккуратной, почти безликой — как и все комнаты в этом секторе. Узкая кровать, стол, тумба, шкаф. Ничего лишнего. Ничего такого, что могло бы рассказать о человеке больше, чем разрешено.

Она подошла к тумбе возле кровати, на секунду задержала руку над ручкой ящика.

— Ну что... — тихо пробормотала она. — Ещё один.

Ящик открылся с мягким скрипом. Внутри лежали всего несколько вещей: старая резинка для волос, тонкая тетрадь и календарь.

Людмила осторожно достала его.

Календарь был плотный, картонный, немного потёртый по краям — она слишком часто держала его в руках. С одной стороны крупными, идеально ровными буквами была напечатана надпись:

Проект : «Счастье»

Именно так — через «Э».

Когда Люда увидела это слово впервые, она долго смотрела на него, не понимая, почему оно выглядит таким... неправильным. Потом учительница объяснила спокойно и даже немного гордо:

— Инопланетный язык не совпадает полностью с человеческим. Поэтому некоторые слова записываются по-другому. Это новая норма.

Но Люда тогда только подумала:

«Нет. Это не норма. Это просто ошибка, которую заставили всех принять».

Она перевернула календарь.

На другой стороне были месяцы и аккуратные квадраты дней. Почти все уже были перечёркнуты — густыми, уверенными линиями.

Каждый вечер она делала одно и то же.

Отмечала, что ещё один день прожит Людмилой.

Сегодняшний квадрат смотрел на неё пустым белым глазом.

Люда взяла карандаш, который был заправлен в сгиб календаря. Несколько секунд она просто держала его, не двигаясь.

«Месяц...»

На самом деле — двадцать девять дней.

Она резко провела линию через число.

Карандаш тихо хрустнул по картону.

Готово.

— Минус один, — прошептала она.

На мгновение ей показалось, что комната стала тише. Словно стены тоже считают вместе с ней.

Люда закрыла календарь, снова спрятав сторону с надписью «Проект: Счастье» внутрь, чтобы её не было видно. Аккуратно положила его в ящик тумбы. Секунду она смотрела на него, будто сомневалась. Потом задвинула ящик и щёлкнула замком.

— Спокойной ночи, Людмила, — тихо сказала она самой себе.

И сразу почувствовала странное, почти детское желание добавить:
«Пока ещё Людмила».

Люда постояла у тумбы ещё несколько секунд, словно прислушиваясь к тишине комнаты. Потом медленно подняла руку к шее.

На тонкой цепочке висел маленький кулон. Почти невесомый. Если бы не привычка постоянно касаться его пальцами, можно было бы забыть, что он там есть.

Она осторожно поддела ногтем крошечную защёлку.
Кулон тихо щёлкнул и раскрылся.

Внутри было маленькое фото — старое, немного выцветшее. Настолько крошечное, что лица можно было разглядеть, только если поднести его совсем близко.

Людмила так и сделала.

На фотографии стояли четверо.

Маленькая она — лет шести, не больше. Волосы растрёпаны, улыбка широкая и беззаботная. Она держит за руку высокого мальчика — своего старшего брата. Он смотрит в камеру серьёзно, но в уголках губ уже прячется смех.

Рядом стояли родители.

Мама с обычным, человеческим лицом.

С живыми глазами.

Без гладкой чужой кожи, без вытянутых скул, без холодного идеального выражения.

До процедуры.

И папа, и брат — живые.

Люда провела пальцем по стеклу кулона.

— Привет... — едва слышно сказала она.

Голос прозвучал так тихо, будто она боялась, что стены услышат.
Она задержала взгляд на лице брата.

— Ты бы сейчас смеялся, да? — прошептала она. — Сказал бы, что я опять слишком много думаю...

Её губы чуть дрогнули.

— А ты бы сказал, что всё будет нормально, — добавила она, обращаясь мысленно к папе.

Ответа, конечно, не было. Только её собственное дыхание и далёкий гул вентиляции.

Люда глубоко вздохнула.

— Я скучаю, — тихо сказала она.

Слова повисли в воздухе.

Она осторожно коснулась губами кулона — коротко, почти невесомо, — как будто целовала кого-то из них. Потом закрыла его.

Щёлк.

Маленькое фото снова исчезло внутри.

Людмила на секунду сжала кулон в ладони, будто пряча тепло, которое там осталось.

— Ладно... — прошептала она самой себе.

Она опустила руку, развернулась и подошла к двери. Ручка холодно легла в ладонь.

Люда открыла дверь и вышла из комнаты, оставляя за спиной тишину, календарь с зачёркнутыми днями и ещё один вечер, который принадлежал Людмиле.

Люда тихо прикрыла дверь своей комнаты и на мгновение остановилась в коридоре. Дом был погружён в мягкий полумрак. Лампы горели экономно — так требовали правила сектора. Свет был холодный, почти белый, и от этого стены казались ещё более серыми.

Из кухни доносился тихий звук посуды.

Мама.

Люда поправила кулон на груди — тот лёг обратно на своё привычное место, словно ничего и не происходило. Она глубоко вздохнула и направилась на кухню.

Каждый шаг по узкому коридору отдавался лёгким скрипом пола. Когда она была маленькой, отец всё время говорил, что однажды обязательно всё здесь починит. Тогда этот дом казался большим, шумным и живым.

Теперь он был просто... тихим.

Людмила остановилась у двери кухни и прислонилась плечом к косяку.

Мама стояла у плиты, помешивая что-то в небольшой кастрюле. Пар поднимался тонкой струйкой и растворялся под вытяжкой. Её движения были медленные, привычные, будто она делала это уже тысячу раз и могла готовить даже с закрытыми глазами.

— Пахнет... — сказала Люда, входя. — Не так уж плохо.

Мама обернулась. На её лице появилась слабая улыбка — усталая, но настоящая.

— Это просто суп, — ответила она. — Не жди чудес.

Люда села за стол, подтянула колени к себе и положила подбородок на руки.

— После столовой академии любой суп — уже чудо.

Мама тихо фыркнула.

— В академии кормят нормально.

— Нормально — это когда еда не пытается выглядеть как пластик, — возразила Люда.

Мама поставила перед ней тарелку. Суп был простым — овощи, немного крупы, тонкие полоски мяса. Но пахло действительно подомашнему.

Людмила взяла ложку, но не сразу начала есть.

Она смотрела на мать.

На её лицо.

На гладкую, чуть странную кожу, на идеально ровные скулы, на глаза, которые когда-то выглядели совсем иначе.

После процедуры мама тоже стала другой.

Люда медленно произнесла:

— Мам...

— Ммм?

— Это больно?

Ложка в руке матери замерла.

Тишина повисла над столом.

Мама медленно опустилась на стул напротив.

— Почему ты спрашиваешь?

Люда пожала плечами.

— Просто... интересно.

Они обе знали, что это неправда.

Мама долго смотрела на неё. Потом тихо сказала:

— Я почти не помню.

Людмила прищурилась.

— Почти?

Мама отвела взгляд.

— Так работает процедура.

Люда покрутила ложку в тарелке, наблюдая, как расходятся круги по поверхности супа.

— Удобно, — тихо сказала она.

— Люда...

— Что?

— Не начинай.

Людмила вздохнула, зачерпнула ложку супа и наконец попробовала.

— Нормально, — сказала она после паузы. — Даже вкусно.

Мама с облегчением выдохнула, будто это была самая важная оценка на свете.

Люда ела медленно, но мысли её были совсем в другом месте.

Гдето там, впереди.

Через двадцать девять дней.

Там, где Людмилы уже не будет.

Люда медленно ела суп, но почти не чувствовала вкуса. Ложка поднималась и опускалась машинально. Взгляд то и дело возвращался к матери.

Она внимательно оглядела её.

Кожа у мамы была гладкая, почти без пор, с лёгким сероватым оттенком — будто слишком ровная, слишком правильная. Ни морщин, ни привычных складок, которые когда-то появлялись, когда она улыбалась или хмурилась.

Голова была полностью выбрита.

Точнее — почти.

По всей коже пробивались короткие жёсткие столбики волос — каштановые, с редкими седыми нитями. Они росли быстро и неровно, поэтому их приходилось постоянно сбрасывать, чтобы голова оставалась чистой и гладкой, как того требовали стандарты.

Людмила помнила, как раньше мама носила длинные волосы. Тёмные, густые. Она иногда заплетала их, если куда-то выходила, но чаще всего они волнами спадали на её плечи. Они

были такими мягкими, шелковистыми. Люда помнила, как маленькой любила зарываться в них и засыпать. А теперь их нет.

Теперь от них остались только эти упрямые точки роста.

Но больше всего взгляд притягивали наросты.

Они шли по кругу головы, словно странный костяной обруч, чуть выступающий из кожи. Неровные, плотные, светлее остальной кожи. Они выглядели так, будто выросли сами, но Люда знала — это часть новой формы.

У мамы не было ушей.

На их месте были лишь гладкие впадины, где кожа плавно переходила в голову.

И носа тоже не было.

Лицо заканчивалось плоской поверхностью с двумя небольшими дыхательными отверстиями. Когда мама говорила, воздух тихо проходил через них, создавая почти незаметный свист.

Наросты спускались ниже — по шее, по ключицам, уходили под одежду, расходились по всему телу. Некоторые были маленькими, как костяные бугорки, другие вытягивались длиннее, образуя странные линии под тканью.

Когда Люда была ребёнком, она однажды спросила:

— Мам, тебе не мешает?

Мама тогда улыбнулась своей новой улыбкой и ответила:

— Это просто другое тело.

Но Люда до сих пор не могла привыкнуть.

Она поймала себя на том, что слишком долго смотрит.

Мама заметила это.

— Что? — спокойно спросила она.

Людмила быстро опустила взгляд в тарелку.

— Ничего.

Несколько секунд они молчали.

Потом Люда тихо сказала:

— Я пытаюсь запомнить.

Мама не сразу ответила.

— Зачем?

Люда пожала плечами, не поднимая глаз.

— Вдруг потом я тоже забуду.

Ложка в руке матери замерла.
Но она ничего не сказала.

Людмила снова подняла взгляд на мать.

Иногда ей казалось, что она уже привыкла к этой новой внешности. Годы рядом с такими же лицами, такими же телами, такими же изменёнными людьми притупляли ощущение странности. Но иногда — вот, как сейчас — привычка вдруг исчезала, и всё снова казалось чужим и неправильным.

Инопланетяне пытались сделать людей похожими на себя.

Это не было секретом. Об этом говорили на уроках истории новой эпохи, показывали обучающие ролики, объясняли как часть великого процесса адаптации человечества.

Но, как часто бывало, полностью у них не получилось.

Кожа у пришельцев была другой. Более розовой, плотной, почти блестящей — чемто она напоминала свиную кожу: гладкую, немного влажную на вид, с едва заметными прожилками под поверхностью.

Людмила видела их всего несколько раз вживую — издалека, когда по городу проезжали их транспортные платформы. И каждый раз ловила себя на странном ощущении: они выглядели одновременно живыми... и словно сделанными из чегото искусственного.

Инопланетяне пытались добиться такого же цвета кожи и у людей.
Но потерпели неудачу.

Человеческое тело упорно сопротивлялось. Цвет получался либо сероватым, либо бледножёлтым, иногда слишком тёмным. Учёные проекта долго экспериментировали, но в итоге признали, что добиться точного сходства невозможно.

Поэтому люди оставались чемто средним.
Не совсем людьми.
Но и не такими, как они.

Люда снова посмотрела на мать. На сероватую гладкую кожу, на костяные наросты, на плоское лицо без носа.

«Мы даже не копии...», — подумала она.
«Мы просто неудачная версия».

Она медленно опустила ложку в тарелку.

— Мам... — тихо сказала она.

— Да?

Людмила немного помолчала, подбирая слова.

— А они... вообще довольны результатом?

Мама посмотрела на неё долгим взглядом.

— Они говорят, что это этап развития.

Люда усмехнулась.

— Ага. Конечно.

Она снова взяла ложку и тихо добавила:

— Только почемуто этот этап всегда заканчивается на нас.

Людмила доела суп почти молча. Ложка тихо стукнула о дно тарелки, когда она зачерпнула последнюю порцию и медленно проглотила. Есть больше не хотелось, но она всё равно заставила себя закончить — мама всегда говорила, что еду нельзя оставлять.

Она отодвинула тарелку.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Мама кивнула.

— Иди собирайся. Транспорт скоро будет.

Люда встала изза стола. Стул тихо скрипнул по полу. Она на секунду задержалась, будто хотела ещё чтото сказать, но передумала.

— Я пошла, — сказала она.

— Хорошего дня, — ответила мама.

Людмила вышла из кухни и направилась по узкому коридору. Дом снова погрузился в привычную утреннюю тишину. Гдето за стенами уже слышались шаги соседей — ктото тоже собирался на работу, ктото в академию.

Она толкнула дверь своей комнаты и вошла.

Комната встретила её тем же порядком, что и раньше: аккуратно заправленная кровать, стол, тумба, закрытый ящик с календарём. Ничего не изменилось. Но внутри Люды всё было немного иначе.

Сегодня был особенный день.

Она подошла к шкафу и открыла его. На вешалке висела школьная форма академии — строгая, серосиняя. Люда сняла домашнюю футболку и быстро переоделась, натягивая рубашку и брюки.

Пальцы на секунду задержались на пуговицах.
«Сегодня...»

Сегодня она увидит Аню.
Её лучшую подругу.
Вчера у неё была процедура.

Люда медленно выдохнула.
Она помнила Аню такой, какой видела её всю жизнь: с рыжими волосами, которые всегда выбивались из хвоста, с веснушками на носу и привычкой смеяться слишком громко на уроках.

Вчера это всё закончилось.
Сегодня Аня придёт в академию другой.
С новой кожей.
С новыми наростами.
Без волос.
Без носа.
Без ушей.
И, возможно... с новым именем.

Люда подошла к зеркалу.
Несколько секунд она просто смотрела на своё отражение. На обычное человеческое лицо. На волосы, которые всё ещё можно было собрать в хвост.

Она провела рукой по голове.

— Пока вы ещё здесь... — тихо сказала она своим волосам.

Потом усмехнулась самой себе.

Она взяла рюкзак, закинула его на плечо и направилась к двери.
Уже на пороге Людмила остановилась и тихо пробормотала:

— Интересно... узнаю ли я тебя, Аня? Или как тебя теперь зовут?

Ответа, конечно, не было.
Она выключила свет и направилась к выходу из комнаты.

Люда уже собиралась выйти из комнаты, когда в квартире раздался тихий щелчок.
Через секунду включилось радио.

Так происходило каждое утро.
Ровно в 7:30.

Ни секундой раньше, ни секундой позже. Система была настроена строго по центральным часам города, и никто не мог её выключить — только уменьшить громкость.

Из маленького динамика под потолком сначала слышался короткий сигнал, а затем бодрый, слишком жизнерадостный голос диктора.

— Доброе утро, жители! — прозвучало радостно. — Вот и настал новый день! Прекрасный день! Слава нашим спасителям!

Голос был идеально поставленным, тёплым и воодушевлённым, словно человек искренне радовался каждому слову.

Людмила закатила глаза.

— Конечно... — пробормотала она.

Радио продолжало:

— Сегодня отличный день для учёбы, труда и личного развития! Напоминаем: Проект «Счастье» успешно продолжается, и всё больше жителей проходят процедуру адаптации. Вместе мы становимся сильнее, здоровее и ближе к нашим благодетелям!

Люда скривилась.

Она подошла к стене и слегка ударила пальцем по регулятору громкости. Звук стал тише, но полностью не исчез.

Так и было задумано.

Чтобы каждый всё равно слышал.

— Помните: изменения — это путь к гармонии. Каждый новый шаг делает наше общество стабильнее и счастливее!

Людмила тихо фыркнула.

— Особенно счастливее... — пробормотала она.

Она снова закинула рюкзак на плечо и подошла к двери.

Радио всё ещё бодро вещало:

— Сегодня в академиях города пройдут ознакомительные встречи для тех, кто недавно завершил процедуру. Поздравляем новых участников Проекта «Счастье»! Ваше будущее начинается уже сейчас!

Люда замерла на секунду.

«Значит, Аня точно будет там...»

Она глубоко вдохнула, открыла дверь и вышла в коридор.

Позади неё всё ещё звучал жизнерадостный голос диктора:

— Помните: вместе — мы едины. Вместе — мы счастливы!

Людмила вышла из своей комнаты и тихо прикрыла за собой дверь.

Коридор был пустой и прохладный. Свет всё ещё горел тускло, а радио в кухне продолжало негромко бормотать бодрые утренние новости.

Напротив её спальни находилась мамина комната.

Дверь была приоткрыта.

Из комнаты лился голубоватый свет телевизора и доносился голос диктора — спокойный, уверенный, чуть тягучий. Такие голоса часто звучали по государственным каналам.

Люда остановилась у двери и машинально заглянула внутрь.

Мама сидела на краю кровати, слегка подавшись вперёд. Её спина была напряжённой, руки лежали на коленях. Она смотрела телевизор так внимательно, будто боялась пропустить хоть одно слово.

Голубой свет экрана скользил по её гладкой коже, по костяным наростам на голове, по шее.

Людмила на секунду задержала взгляд.

Сейчас её зовут Рохааана.

Именно так — с длинными гласными, непривычно растянутыми. Имя звучало так, будто его придумали не для человеческого рта.

А раньше её звали Наталья.

Люда иногда ловила себя на том, что почти забыла это имя. Оно становилось всё более далёким, словно принадлежало комуто другому.

Но иногда, вот как сейчас, оно всплывало в памяти неожиданно ясно.

Наташа.

Мама.

Та, что смеялась на кухне, пела старые песни и заплетала Люде косы перед школой.

Людмила тихо постучала по косяку.

— Мам, я в школу, — сказала она. — До вечера.

Женщина перед телевизором даже не повернула головы.

Экран отражался в её глазах холодным светом.

На секунду Люде показалось, что мама её просто не услышала.

Она подождала.

— Мам? — чуть громче сказала она.

Но бывшая Наташа ничего не ответила.

Она продолжала смотреть телевизор так же внимательно, словно всё её внимание принадлежало только тому, что происходило на экране.

Людмила медленно отвела взгляд.

Гдето внутри появилось знакомое ощущение — пустое и тяжёлое одновременно.

Она тихо выдохнула.

— Ладно... — почти шёпотом сказала она.

Потом развернулась и пошла к входной двери.

За её спиной телевизор всё ещё говорил спокойным, уверенным голосом о новом дне, новых достижениях и новых успехах Проекта «Счастье».

Людмила подошла к входной двери. Рюкзак висел у неё в руке, слегка покачиваясь. Она на секунду остановилась, прислушиваясь к звукам квартиры.

Из кухни всё ещё доносилось приглушённое радио.

Из маминной комнаты — ровный голос диктора и тихий шум телевизора.

Дом жил своей привычной утренней жизнью.

Люда взяла куртку с вешалки и накинула её на плечи. Ткань была прохладной, и она машинально поёжилась. Затем быстро застегнула молнию.

Сапоги стояли у стены, аккуратно поставленные носками к двери. Она надела их, несколько раз стукнула каблуками о пол, чтобы они сели плотнее.

Потом закинула рюкзак на плечи.

Лямки легли привычно, чуть тяжело. Внутри лежали учебники, тетради и планшет академии.

Людмила ещё раз оглянулась.

Коридор был пуст.

Дверь маминной комнаты попрежнему оставалась приоткрытой, а голубой свет телевизора мерцал на стене.

«Она даже не услышала...»

Люда отвернулась.

Она взялась за ручку входной двери, повернула замок и потянула дверь на себя.

Холодный воздух из подъезда сразу коснулся лица.

Людмила шагнула за порог.

На секунду она задержалась, словно проверяя, всё ли взяла. Потом вышла из квартиры и аккуратно закрыла дверь за собой.

Замок тихо щёлкнул.

Теперь впереди был новый день.

И встреча, которой она одновременно ждала...

И немного боялась.

Глава 2. Счастье начинается

Люда вышла на лестничную площадку и тихо прикрыла за собой дверь. В подъезде было прохладно; воздух пах сыростью, старой краской и чемто металлическим — запахом, который она ненавидела, но к которому привыкла.

Она поправила лямку рюкзака и начала спускаться.

Стены подъезда были почти полностью закрыты плакатами. Казалось, свободного места на них уже не осталось. Гдето новые листы клеили поверх старых, и по краям бумага отставала, скручиваясь и шурша от сквозняка. Яркие цвета бросались в глаза, требуя внимания.

На одном плакате были изображены Спасители — высокие существа с гладкой розовой кожей и характерными наростами. Они стояли на фоне Земли, озарённой мягким, почти божественным светом. Под ними крупными буквами было написано:

«СЛАВА СПАСИТЕЛЯМ!»

На другом — улыбающаяся семья. Все четверо уже после процедуры: гладкие головы, изменённые лица, одинаковое спокойное выражение.

«ПРОЭКТ “СЧАСТЬЕ” — НАШ ПУТЬ В БУДУЩЕЕ»

Чуть ниже висел ещё один лозунг:

«СТАТЬ ПОХОЖИМИ НА СПАСИТЕЛЕЙ — ВЕЛИКАЯ ЧЕСТЬ»

Людмила медленно спускалась по ступеням, скользя взглядом по этим изображениям. Она видела их каждый день. И каждый день они казались ей всё более фальшивыми. Слишком яркими. Слишком радостными для мира, в котором не стало выбора.

Десять лет назад всё началось с вируса.

Так говорили официальные источники. Страшная болезнь, быстро распространявшаяся по миру. Люди умирали тысячами. Города закрывались, медицина не справлялась, правительства теряли контроль.

А потом прилетели Они.

Инопланетяне объявили, что нашли способ остановить эпидемию, и предложили помощь. Взамен — сотрудничество, адаптацию человечества и участие в программе развития.

Так появился Проект «Счастье».

По официальной версии это был величайший подарок. Шанс стать лучше. Сильнее. Ближе к спасителям.

Люда остановилась у очередного плаката. На нём был изображён подросток «до» и «после». Слева — обычное человеческое лицо. Справа — гладкая кожа, изменённые черты, костяные наросты. Между ними — яркая стрелка.

Подпись была простой и пугающей:

«БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ В 16»

Люда несколько секунд смотрела на него, затем тихо фыркнула.

— Ага... — пробормотала она.

Она продолжила спуск, а плакаты провожали её взглядами — улыбающимися, уверенными, обещающими счастье для всех, нравится оно им или нет.

Люда толкнула тяжёлую дверь подъезда и вышла на улицу.

Утренний воздух был прохладным и свежим. Над городом висело бледное солнце, едва пробивающееся сквозь тонкую дымку смога. Двор уже жил своей обычной жизнью.

По дорожкам медленно шли женщины. Пожилые бабушки, опираясь друг на друга. Молодые в одинаковых куртках толкали небольшие тележки. Девушки разговаривали, стоя группами. Их тихие голоса смешивались с шорохом ветра и далёким шумом транспорта.

И почти все они выглядели одинаково.

Гладкая кожа. Лысые головы с короткими, жёсткими столбиками волос. Костяные наросты на голове, шее, плечах. Плоские лица без носов и ушей.

Только дети выглядели иначе.

По двору пробежала стайка девочек лет десятидвенадцати. Они смеялись, толкались, кто-то нёс школьную сумку, кто-то — мяч. У них были волосы, хвостики, косички. Живые лица. Настоящие носы и уши.

Людмила проводила их взглядом.

До шестнадцати лет процедуру проводить запрещалось. Так объясняли в академии: организм ребёнка ещё растёт, любое вмешательство может повредить адаптации. Система считала это слишком большим риском.

Но дело было не только во внешности.

Во время процедуры происходило гораздо большее. Женщине подсаживали инопланетный эмбрион. Его нужно было выносить. Ребёнок не смог бы этого сделать — его тело просто не выдержало бы такой нагрузки. Поэтому ждали совершеннолетия.

После процедуры начиналась беременность. Девять месяцев. Потом роды. Ребёнка сразу забирали представители Спасителей. Женщине давали три месяца на восстановление. А потом всё начиналось заново.

Так работала система.

Люда посмотрела на женщин во дворе. Кто-то гулял спокойно, кто-то сидел на лавочке под утренним солнцем. Для многих из них это действительно считалось честью. В академии постоянно повторяли: «Вы помогаете развитию двух цивилизаций».

Людмила невольно подумала о своей маме. Её мама уже девять раз проходила через это. Девять беременностей. Девять детей, которых она никогда больше не видела. Сейчас она ждала десятого. И, как и многие другие, считала это честью. Говорила об этом спокойно, даже с какой-то тихой гордостью.

Люда крепче сжала лямку рюкзака. Иногда ей казалось, что она единственная во всём городе, кому эта система кажется чудовищной.

Она подняла голову и посмотрела на девочек, бегущих по двору. Они смеялись так легко, будто у них впереди была обычная жизнь.

Людмила тихо выдохнула.

«Ещё месяц...»

Потом она повернулась и пошла к дороге, где должен был остановиться школьный транспорт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.